

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

“ДОРОГОЙ ОТЕЦ ФЕОДОР!”

*Из переписки с о. Феодором, монахом Свято-Троицкого
Александро-Свирского мужского монастыря*

Мой дорогой отец Феодор!

Ваше письмо оставило такой глубокий след в моей душе, что я до сих пор не перестаю думать о нём и о Вас. Вот и сейчас, прежде чем написать это письмо, смотрю на Вашу фотографию, и мысль уносится к Вам. Когда я впервые увидел Вас в монастырском одеянии, у меня невольно вырвалось: “Пономарёв. Пономарёв”. Стоявшая рядом жена Татьяна удивилась моему возгласу. А меня поразило, сколько неожиданного, таинственного в жизни и как мы мало думаем об этом. И вот для меня Вы уже не Юра Пономарёв, которого я знал три десятилетия тому назад как студента нашего литинститутского семинара, деликатного “петербуржца”, склонного к философствованию, даже к “общечеловеческим проектам”, а подвижник, поднявшийся на такую духовную высоту, перед которой я могу только благоговеть. И в самом Вашем письме, в слогe, тоне виден отпечаток Вашей нынешней высокой жизни. И вместе с тем доброе отношение к литературе, которая, может быть, давала толчок, но вряд ли кого приводила к духовному перевороту, к вере, но которая, как многое другое, тоже есть дар Божий и может служить добру, как пишете Вы.

Дорогой отец Феодор, Вы просите прислать Вам мои публикации за последние годы (10—15 лет). Посылаю Вам мою книгу “В сражении и любви” — как раз написанное мною за этот период. Название ориентировано на стихи Хомякова:

*Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе, —
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.*

Годы страшные, и неизвестно, как мы выберемся из этого кошмара. Очень меня мучит, что происходит в России. В сдержанных Ваших словах чувствуется, как глубоко переживаете Вы “ужас безобразия” в стране. Но я уверен, что молитвами таких избранных, как Вы, Россия не погибнет.

Посылаю Вам десятый номер “Роман-журнала XXI век”, который только что вышел. Прошу великодушного снисхождения ко мне, что без Вашего разрешения дал в печать Ваши фотографии и отрывки из письма. Хотелось мне, чтобы читатели узнали, что не всё ещё пропало, когда в лучших русских людях открываются такие провиденциальные пути. В материале о Суворине Вы увидите замечание В. Крупина о некоей моей реплике в частной беседе. Видимо, он имеет в виду моё напоминание (возможно, не лишённое пристрастности) о необходимости волевого, не пассивного православия, резкого неприятия рассуждений иных литераторов, что даже если Россия и сократится до размеров Московии, главное, чтобы осталась Святая Русь. Не могу принять социального примирения. Ведь великие подвижники духа, даже святые не были равнодушны к тому “земному”, что называется патриотизмом, государственно-

стью, социальной справедливостью. Свт. Димитрий Ростовский говорил, что неуплата трудящимся за труд есть тягчайший грех перед Богом. Знаменитый автор “Троицких листков” архиепископ Никон возмущался, когда слышал, что Церковь не должна заниматься социальными, национальными вопросами, политикой, что её, Церковь, хотя и изолировать от мирской жизни, и т. д. Вот и Вы в письме говорите о социальной роли религии.

К сожалению, мне ничего не известно о наших выпускниках 1977 года. Вот смотрю на групповой снимок — и кого уже нет? Косенко умер несколько лет тому назад. Акулов — страшно сказать: повесился (работал в Сочи, в музее Н. Островского). Ахмедова видел последний раз где-то в середине 80-х, он приезжал из Баку в Москву, заходили с ним в Дом литераторов, как когда-то с Вами. Далее: Муравенко, Ежеченко. Как они там, на “незалежной”, бывают ли на Майдане, откуда и до нас доносится вопль: “Ю-щен-ко!”

Мой брат Дмитрий Петрович Лобанов более двадцати лет служил в ракетных войсках на Украине, сейчас живёт в Воронеже. Решил побывать вместе с ним в городке его офицерской молодости у брата его жены, благо — билеты льготные, — с будущего года никаких льгот фронтовикам, как и всем другим. Приехали в Жмеринку. Вечером приходит сосед, украинец, бывший идеологический работник, учился в Москве, в партшколе. И первое, о чём заговорил: Россия устроила в начале 30-х годов “голодомор” на Украине, от голода умерло 17 миллионов. Я не выдержал и сказал: а у нас, в Москве, есть могучий статистик Солженицын, который называет цифру жертв большевизма в 70—90 миллионов человек. Гость воспринял это вполне серьёзно. Украина, видимо, действительно становится другой, более далёкой от России. Рвутся в Европу, где в официальных общеевропейских документах о всякого рода ценностях не значатся ценности христианские.

Дорогой отец Феодор, вчера у меня был разговор с директором издательства “Ковчег” Сергеем Владимировичем Тимченко (моим бывшим студентом). Я рассказал о Вас, и он просил передать, что может посылать церковную литературу — лично Вам или же монастырю — в качестве благотворительности. Вышли великолепные издания “Жития и творения русских святых”, “Беседы русских старцев” и т. д.

Поздравляю Вас, дорогой батюшка, с Новым годом, с Рождеством Христовым, с сердечным пожеланием Вам всех и всяческих благ.

М. Лобанов

25.12.2004

Мой дорогой отец Феодор!

Каждое утро в молитве за здоровье всегда называю в числе самых дорогих для меня лиц Ваше имя. А потом в суете дневной, укоряя себя, что редко пишу Вам, оправдываюсь перед собой тем, что Вы всё понимаете. В последнее время был занят дипломными работами выпускников и набором нового семинара. Сколько пришлось перечитать, перелопатить рукописей, чтобы выбрать из этой массы что-то подходящее. А там ещё неизвестно, сколько авторов, допущенных к экзаменам, придет, может быть, только треть. Лучшие-то могут и не приехать из самых дальних мест, как оттуда им выбраться в нынешнее-то время с такими ценами на билеты. Всегда меня огорчало, что многие даровитые и не приезжают. В этом году, может быть, как никогда раньше, через этих молодых людей наглядно открылось мне, что же происходит в сознании, психологии нового поколения от 17 до 25 лет. Это не “рождённые бурей”, “прекрасным и яростным миром”, а продукт того невиданного периода русской истории, который связан с так называемой “перестройкой”, “реформами”. Как юные незрелые души впитывают в себя ядовитые испарения, грязь, всё растлевающее в нынешней “общественной” атмосфере с её “свободой”, культом всего низменного. Читаешь подряд “исповеди”, и кажется, что видишь какую-то сексуальную саранчу. Где-то я читал у одного православного священника, что для него молодёжь — это больные люди, до которых не достучишься духовно. Кто-то скажет, что слова спорные, не все больные, но что больным можно сделать целое поколение (что и делается) — это очевидно. И всё же...

Один из поступающих в Институт — священник Горицкого женского монастыря города Кириллова Мокиевский Артур Васильевич. Представлены им две вещи: во-первых, отрывок из романа “Незавершённая литургия”. Время действия — начало 20-х годов (при патриархе Тихоне). Талантливое описание литургии с пресуществлением хлеба и вина в Тело и Кровь Господне. Параллельно несколько утрированное описание вторжения комиссара во главе с красноармейцами в Храм с арестом в алтаре

священника Георгия. Другая вещь “И Святого Духа” — живописная картина трудовой поездки (священника и мирских лиц) в переполненном вагоне поезда в метельную ночь. И как симпатичен сам священник, обогревающий душевно народ своей неунывностью, добрыми шутками.

Из произведений других абитуриентов — рассказ 18-летнего автора “Одиночество”: письмо матери к сыну в Москву, пронзительно место, как она, бывшая музыкантша, кормит бродяг, одного из них сбивает машина. Рассказ другого автора — о бизнесмене времён “дефолта” 17 августа 1998 (ведь знает до точности даже день) — о его успехах в предпринимательской деятельности, крахе, после чего — “новые проекты”. Есть и другие — вдумчивого, серьёзного взгляда на современную жизнь.

На днях на заседании приёмной комиссии руководители семинаров по всем жанрам высказывали свои впечатления о нынешнем наборе: состав поступающих, о чём пишут, особенности мировосприятия и т. д. Один выступающий впал в публичное уныние, от чтения многих рукописей у него руки опустились, не знал, что делать, “всё православие да православие”. И сказал таким тоном, будто ждал сочувствия у присутствующих, впрочем, при всеобщем молчании.

И всё-таки “стены Литинститута” весьма далековаты от “стен Церковных”. Как-то на узкой юбилейной пирушке у одного из литинститутских сотрудников — поэта, переводчика Микушевича я, может быть, излишне похвалил его за верность ортодоксальному православию — в отличие от “несчастливого узника” Даниила Андреева с его фантастической мировой религией “Розы мира”, и в ответ доцент нашего института Джамбинов по-петушину клюнул меня за “православный фундаментализм”. Вот ведь незадача, этот фундаментализм лепят к чему угодно — исламский, иудейский и т. д. И ничего, “звучит”. А фундаментализм православный... сам язык русский не принимает эту нелепицу, отторгает её. Ибо то, что истинно, — не нуждается ни в каких “измах”.

Приходилось мне и на защите дипломных работ моих семинаристов сталкиваться с такими “прогрессивными” оппонентами. А на этот раз, на заседании приёмной комиссии, я внёс некую порчу в благополучный разговор. Поскольку идеологией “новой демократической России” объявлено и с успехом реализуется право сильного, презрение к народу как к “быдлу”, поскольку вся политика направлена на его уничтожение (о чём говорил и Патриарх Алексий Второй), то животрепещущая задача литературы, молодых писателей — активно противостоять этому людоедству, никогда не забывать о традициях нашей русской литературы с её защитой “униженных и оскорблённых”. Говорил я не ради красного словца, а как человек уже старый, которого, можно сказать, сожрала литература (и как хотелось иногда ответить ей за это проклятьем), и как всё ещё живущий какой-то детской иллюзией в нужности слова, даже и в узком кругу, когда “чешется язык”, а может быть, и рвётся надсадное в душе — оправдать как-то наше жалкое писательское звание каким-то серьёзным делом, хотя бы той же социальной, гражданской ответственностью, а не заниматься словесной игрой при нынешнем положении России. Простите, дорогой отец Феодор, за эти “литературные мелочи” в моём письме, но мне кажется, что в какой-то мере это Вам небезразлично как нашему выпускнику.

На днях выезжали с женой в подмосковный посёлок около Внуково, где снимаем в аренду в писательском шестиквартирном доме небольшую квартиру. Здесь есть храм Ильи Пророка, был построен в 1905 году, недавно отмечалось его столетие с приехавшим церковным начальством. Ещё несколько лет назад он был в запущенном состоянии, а сейчас его не узнать. Восстановлен он на деньги “бизнесмена” — жена-того на русской женщине англичанина, приехавшего в Россию, завешедшего здесь конное дело (племенное хозяйство). Долгое время супруги не имели детей, а когда появились дети — в благодарность за “услышанные молитвы” он и стал щедро помогать восстановлению храма.

Здесь храм, конечно, не так намолен, как наш — Михаила Архангела, — на юго-западе, в Москве. В Ильинском храме (на горке, откуда такой чудесный вид в сторону зелёной впадины, где расположен наш маленький писательский посёлок, ныне захваченный “новыми русскими” с их построенными здесь дворцами) прихожане из числа сельского населения — паства более “прозрачная”, более открытая, кажется, и самими лицами. Здесь все знают друг друга, по возможности помогают, что и делает по доброты своей моя жена Татьяна.

Некоторое время в этом храме читал лекции философ-богослов С. Н. Катасонов. Какие лекции могут быть в храме, помимо проповедей батюшки? Но вот читал, прямо-таки как в университете с кафедры, и старушки покорно слушали его. Входил в церковном одеянии в алтарь с Библией в руках... Но вот что-то разладилось. Ушёл из

лекторства, не стал появляться в храме. Но вижу его сейчас в Москве, в нашем Храме Михаила Архангела, постоянно причащается. Но и “ничто человеческое ему не чуждо” — обратился ко мне с просьбой помочь ему вступить в Союз писателей России, что я и сделал как член приёмной комиссии (аж с 1960 года). Я прочитал подаренную им мне его книгу “Христианство, Наука, Культура” и увидел в ней не только образованность автора, но и его однодумье о христианстве, православии не как об учении, а как о жизни, о реальности, об онтологическом бытии.

Хотя Ильинский храм — и сельский, но мимо него рядом проходит шоссе к недалёкому отсюда (в двух километрах) Внуковскому аэродрому, и в воздухе нередко звук колоколов заглушается шумом пролетающих самолётов. И бывает, когда поздно не спишь и слышишь доносящиеся с аэродрома свистящие звуки взлетающих самолётов, то представляешь себя в это время в недалёком отсюда храме — там так же свистящие звуки издаёт кадило, которым размахивает батюшка во все стороны, кадит.

Прочитал недавно статью об Евхаристии в журнале “Православная беседа”, № 2 за 2006 год. Автор ссылается на священномученика Иринея, Иоанна Дамаскина, святителя Паламу, суть сводится к тому (текст автора), что “именно Евхаристия”, как путь нашего общения со с Христом, закладывает в нас то основание, и более того, она есть то самое основание, которое позволяет праведникам подлинным образом воскреснуть в день Второго Пришествия. “Христиане воскреснут именно потому, что уже сейчас они подлинно являются членами Тела Церкви, Тела Христова и питаются истинным Телом Спасителя — Евхаристией”.

Итак, Евхаристия, когда Христос входит в нас, — и есть залог нашего будущего воскресения. Перед этим я причащался и не задумывался над этим, воспринимая единение с Христом “в настоящем времени”, а тут как-то удивительно стало ясно (приходит на ум даже такое неуместное вроде бы здесь слово: логично), что восстанем мы из праха именно потому, что в нас через Евхаристию навечно запечатлена, останется навечно частица Самого воскресшего Христа. Точно ли я говорю, те ли слова (не доморощено ли это?). А может быть, вообще не вдаваться в непосильное для ума, непостижимое? Лучше следовать интуиции “простецов”, не мудрить, а молиться (как молилась моя мать) с детским доверием к Милостивому Творцу.

М. Лобанов

1.07.2006

Дорогой отец Феодор!

Прежде всего хочется от всего сердца, преданного Вам, пожелать исцеления Вашего глазного недуга. Это непременно и должно быть. Ведь с Вами Ваш Хранитель — св. Александр Свирский, а вы — его охранник.

Не раз я читал в богословской литературе (от святителя Брянчанинова до Флоровского, нынешнего А. И. Осипова и т. д.) о необходимости руководствоваться (может быть, не то слово) не только откровением Священного Писания, но и творениями Св. Отцов, подвижников веры. Мне кажется, что важно знать, читать и своих современников — истинно православно верующих, ведь их слово дышит тем воздухом эпохи, каким дышим и мы (куда от этого денешься), и поэтому, пожалуй, нам внятно более, нежели иные, книжные, отвлечённые проповеди, удалённые от общественных токов нашего времени. Не говорю уже о тончайшем лукавстве политиканствующих ораторов (на том же радио “Радонеж”). Мне как-то полоснуло душу, когда я прочитал Ваши слова о том, что вера — “самое великое счастье, доступное человеку”. Можно сказать, что это не ново, но ведь **как** сказать и **кто** так может сказать. Сколько в этом мире наговорено о любви “он—она”, а всё кончается банальным метаньем временных счастливых. Как сказано в псалме: “Только в Боге успокаивается душа моя”. О, если бы обрести такое успокоение! Но счастлив человек уже тем, когда он приходит хотя бы к пониманию этого.

А у меня в Литинституте, не успел оглянуться, окончились каникулы, и на днях прошло первое занятие с поступающими — эту. Как-то впервые посмотрел на себя со стороны как на руководителя семинара (может быть, что-то изменилось во мне с возрастом, да и пора). И вот новая очередная волна молодёжи в той же самой одиннадцатой аудитории, в которой провожу семинарские занятия вот уже сорок четвёртый год (с 1963). В основном — юные лица, от 18 до 25 лет. Я для них даже не дедушка, а прадедушка (“патриарх” в Литинституте, как меня именуют “коллеги”). В душе моей — почти вековой груз прошлого, с конца двадцатых—тридцатых годов, с безотцовщиной, с коллективизацией, голодным тридцать вторым годом, индустриализацией, политическими процессами 1937—1938 гг.; война, ранение на Курской дуге,

послевоенные трудности; университетские годы с приобретённым туберкулёзом; смерть Сталина, хрущёвщина с заложёнными минами государственного подрыва, пресловутый “застой” (ведь не только!) при Брежневле — с копившейся подспудно грозой. Величайшая катастрофа, постигшая Россию. Да что говорить, исторические события послевоенного времени стали и Вашим опытом. По времени пережитое нашим поколением — это почти какая-нибудь двадцатая часть до Христа. В двухтысячелетней истории человечества — одна из высших по напряжённости, высоте духа, трагичности эпох. И всё это оставило в сознании, психологии, памяти нашего поколения свой осадок, свои неизбывные наследия, как оставляют природные катаклизмы в геологических породах свои трещины, разломы.

Но это — чистый лист бумаги для нынешней молодёжи, продукта “перестройки”, “рынка”, в большинстве своём не знающей и не желающей знать прошлое. И как найти с ними приемлемый язык? Заискивать глупо, я-то знаю, хотя бы и по своему литературному опыту, с чего начинали иные “юные гении”, с каких красивых слов, и чем кончили.

Как жизнь человеческую надо судить не по началу, а по итогу её — так и в литературе: что оставил после себя писатель, какое выношенное, выстраданное слово. Мысль не популярна среди молодёжи, но надо о ней напоминать.

А сколько в жизни страшного, внезапного! Вот погибли в автокатастрофе двое детей (дочь 20 лет и сын — 17 лет) и двое тяжело пострадали — у отца Алексея Дарошевича. Я знаю его. Был лет пять тому назад в его храме Живоначальной Троицы в знаменитом Поленове. Здешняя паства, по его словам, — из шести с половиной бабушек, добираются из них — трое. Но у него православная община, приезжает к нему по субботам-воскресеньям кто-то из москвичей. Кстати, сам он — выпускник пресловутого ВГИКа — вот ведь какие бывают метаморфозы! Мать его русская, отец — белорус. Помню, как после утренней службы за длинным столом, где трапезничали под открытым небом, поблизости от храма, он рассказывал о своих детях, о появившемся на свет седьмом ребёнке. И вот этот страшный удар.

Вскоре же, спустя несколько дней, в течение августа он выступал на радио “Радо-неж”, отвечал на вопросы. Я слушал все четыре передачи, и поразили они меня тем, насколько глубоко верующий человек может идти в бездонную глубину своей веры, полагаясь на волю Божию, без которой не может быть ничего случайного в жизни, и в то же время невозможно отрешиться от человеческого, в этом случае — отцовского горя. В первой передаче (какой-то даже неестественной в его состоянии) в ответ на звонки сочувствующих он медлительно говорил: “Переживать не надо. Что такое переживание? Этого не нужно. Нужно обращение к Богу, нужна молитва. Ясность, прямота во всём, в горе”. И вот второе его выступление — в день Успенского поста. Другой голос. Вспоминает своих детей с подспудной надсадной болью. Незримые слёзы. Смерть всегда ужасна, особенно близких людей. Что человек? И Сам Христос плакал о смерти своего друга Лазаря, плакал по обречённости людей после первородного греха. Была ещё передача — о том храме Живоначальной Троицы, где настоятелем он, о. Алексей. И какой же светлый образ храма в окружении живописной природы с крутым берегом близкой отсюда Оки возникал в его рассказе (я как будто снова побывал там)! В последней, четвёртой передаче (25 августа) послышалось мне в его голосе что-то усталое, надломленное — с призывом соединиться с Богом, желать смерти, не бояться её.

Да, велик человек своей связью с Богом, но и слаб по природе своей человеческой. А у звонивших на радио (в основном женщин) свои заботы: “Отец Алексей, приношу Вам своё соболезнование, у меня тоже горе. Умер сын. Я всё время плачу”. — “Отец Алексей, у меня дочь отбилась от дома, от матери, приходит ночью. Что мне делать?” — “У вас, батюшка, большое горе, умерли ваши детишки, и у меня, батюшка, тоже большое горе. Умерла сестра. И у меня рак. Не знаю, как жить. Надо молиться. И я молюсь. Хожу в храм. Молюсь”. И т. д. и т. п. Горе о. Алексея вызвало целую стихию народных стенаний, горя современной России. Отвечая им словами: “У нас общее горе, очищение наше — путь к Богу”, отец Алексей находит в себе силы как бы вести эту страждущую стихию в русло всеобщей любви. Ценою неимоверного страдания даются такие проповеди, но как они отзываются в наше время, равнодушное ко всякому отвлечённому нравованию.

Дорогой отец Феодор, я вот разогнался с этим письмом, а ведь Вам нельзя читать.

Исцели, Господи, зрение верного твоего воина Феодора!

Сердечно,
М. Лобанов

28.08.2006

Дорогой мой отец Феодор!

Огромное Вам спасибо за Ваши молитвы о здравии отца жены раба Божия Николая у охраняемой Вами раки св. Александра Свирского. Больному стало легче, и я уверен: благодаря тому, что Ваш голос услышан.

Как всегда в Ваших письмах — и в последнем, — есть над чем глубоко задуматься. Это Ваши слова в связи с гибелью детей батюшки Алексея (Дарошевича), что Вы теперь уже научились не искать и не пытаться определять Промысла Божьего... причин, истоков или последствий происходящего с нами. “Наше (моё) дело только молиться: просить, умолять Бога...” И этот потрясающий пример веры священника-философа Орнадского в 1918 году, который просил своих палачей первыми расстрелять его взрослых сыновей; когда их убивали, он читал по ним отходную молитву, а потом сам пошёл под расстрел.

Я думаю, Вы не посетуете на меня, что передал я отцу Алексею содержание той части письма, где речь идёт о нём и в связи с ним. Это так важно, так дорого для него в его положении, особенно Ваши слова, что “батюшка Алексей не только словом, но и делом показывает всем нам — как надо верить Богу и любить Бога”.

Печально читать, дорогой отец Феодор, Ваши слова о “глазной эпопее”, так хочется верить, что всё кончится благополучно. Прочитал Ваше письмо и будто побывал вместе с Вами в Поленово, вспомнил молодые годы, когда в схожих обстоятельствах теснилось в душе что-то романтическое, возвышенное (о чём так щемяще сказано у Вас), но “всё прошло, всё умчалось”, перед глазами слепящая точка, на которую надо смотреть прямо, мужественно, но этого мне и не хватает.

Спасибо Вам за Ваш совет, чтобы я не оставлял Литинститута, действительно, здесь можно сделать и что-то доброе, полезное для молодёжи. На днях по моему приглашению беседовал со студентами моего семинара священник Ярослав Шипов, он же и талантливый писатель, автор самобытных рассказов о реальных событиях, людях, без праздного вымысла. Он сам был студентом Литинститута, знает эту публику, какой нужен тон разговора с нею, и его так внимательно, сосредоточенно слушали, что три часа пролетели незаметно. Мне даже показалось, что каждое лицо от слушания неподвижно, как в раме. Каждый мог почерпнуть что-то конкретное из его опыта — духовного, жизненного, писательского. Говорил он и о политике, в устах священника и она воспринимается по-особенному, например, то, что судить правителя надо не по словам, не по “национальным проектам”, а по главному — “сбережению народа”, а народ наш катастрофически вымирает. Останется в памяти будущих писателей и то, что нас не принимают в мире, враждебны к нам, потому что мы православные, иными быть не можем. Мы такие.

С запозданием пришёл на беседу другой батюшка — отец Евгений (Булин). Как и о. Ярослав, он также окончил Литинститут, учился в семинаре критики, но постоянно посещал наш семинар прозы и после окончания Литинститута приходил к нам и записывал мои выступления. С “перестройкой” уехал в Америку (у него там был родственник по жене — редактор журнала “Русское самосознание” Николай Иванович Тентенов, недавно умерший), работал маляром, поступил в семинарию при Русской зарубежной церкви, но после окончания первого курса из шести вернулся в Россию и служит сейчас в Люберцах под Москвой. У меня его фотографии: трогательно видеть маленький храм, малое “стадо Христово” — приход в составе неизменных старушек, шествие их, возглавляемое моим дорогим батюшкой.

Увидел я его, и что-то дрогнуло во мне: показался он мне постаревшим, в его-то годы. Хотя “иго” это и “благо”, — но сколько духовных, душевных, физических сил требует это служение Церкви, Христу — более тяжкого подвига и нет. Глядя на него, я думал, как легко живётся нам, светским людям. А тут он ещё щипнул во мне какой-то недозволенный нерв: жена Татьяна (она вместе с дочерью Галей была на этой встрече) передала мне, что в моё отсутствие (я выходил из аудитории) на вопрос, что стало толчком на его пути к вере, отец Евгений сослался на моё духовное влияние на него. Конечно же, это чтобы поддержать меня в глазах моих студентов, но как это было тактично сделано — в моё отсутствие. Уже уходя из Литинститута, направляясь к метро, я спросил у отца Евгения, пишет ли он что, и он так обыденно, с каким-то внутренним отсутствием при этом отвечал — “как-то попробовал, и нехорошо стало”, сказал так, будто дурно стало от чего-то несъедобного. Как всё-таки необъятна жизнь, и какие в ней разные “смыслы”, уровни духовные.

Дорогой мой отец Феодор! Как бы Вы порадовали меня, если бы сообщили хорошую новость о Вашем зрении.

Сердечно Ваш М. Лобанов

11.12.2006

Мой дорогой отец Феодор!

Думаю о Ваших глазах и постараюсь писать разборчивее, чётче. Пишу Вам из больницы (уютная участковая больничка на 35 человек, напоминает что-то чеховское) — неподалёку от нашего писательского посёлка. Попал сюда сходу по диагнозу врача: воспаление лёгких, но оказался затяжной глубокий бронхит, со мною это бывает почти всегда в начале года, к весне (наследие туберкулёза, пневмоторакса в молодости). Так что получилось вроде пародии на болезнь, хотя пришлось две недели колоться, глотать всякие таблетки и т. д.

Неудачное выдалось время для этого безделья: надо было сдавать дипломные работы выпускников (к середине марта), и теперь придётся делать это с запозданием. И хотя меня никто укорять за это не будет, но и во мне живёт что-то от бдительности моего любимого покойного дядюшки фронтовика Алексея Анисимовича (“дяди Лёни”), говорившего, что больных на работе не любят. Когда ему на местной ватной фабричке оторвало два пальца, то он после больницы на другой же день вышел на работу, не показывая вида. Ибо приближалось его пенсионное время, боялся отставки и не мог представить свою жизнь без фабрички, без ночных вызовов как начальник цеха. Где он теперь, святой работник...

Почти все больничные дни читал Феодана Затворника “Пути к спасению” (краткий курс аскетике), третья часть. Но что значит “читал”? Даже поверхностное соприкосновение с этим “опытом аскетике” переворачивает представление о мире и человеке. Всякие философские измышления, вся психология “великой художественной литературы”, всякие “исторические деяния” и т. д. — всё это блажь, игра страстей в сравнении с реальностью переживания, бытия в глубинах духа человека, решившего жить подлинно христианской жизнью. Не мне рассуждать об этом, но тяжела мысль, что даже и не составляемый благодатью человек как бы обречён на бесконечную, кровавую войну с самим собой, не зная ни послабления себе, ни передышки в брани, ни окончательной победы. И только вера в милосердие Спасителя может спасти от отчаяния несовершенного по природе человека. Может быть, это ощущение такого старикашки, как я, но отдельные места у еп. Феодана беспощадностью брани высасывали мои последние силёнки. Впрочем, даже и само чтение “аскетике” даёт трезвение нам, как мы никчёмны со своей самостью, и если что-то можем внести в своё дело разумного, то только понимание того, что чего стоит в этом мире.

А вот другой голос Феодана о тех, кто, как он, оставляет этот мир: “бывает, впрочем, и так, что сильный натиск от мира бывает только в начале, потом стихает, стихает, и оставившего этот мир оставляет в покое, ибо в мире редко кем дорожат — поговорят, поговорят, а там и забудут... Он зрелище, занят только или держит в себе тех, кои в нём, до других же ему дела нет”. Грустные, между прочим, слова. В чеховском “Архиерее” вскоре после смерти Владыки никто уже не помнит о нём, не верят рассказам матери, что сын её был архиереем. Я однажды как-то задумался (я писал об этом в своей статье “Освобождение”, четверть века тому назад): вот приходят и уходят миллионы, сотни миллионов безвестных людей, и никто о них не знает, не помнит (кроме родных). Но вот и с “известными” то же самое.

И всё-таки хочется верить, что не всё забывается здесь, на земле, дорогой отец Феодор. Перед отправкой письма только что звонил Татьяне Кулаевой, она рассказала, что три дня назад говорила с Вами по телефону. В Ваших местах будут после 20 мая. Просим Вас с женой помолиться за её тяжело болящую мать Галину, а также за отца её — Николая. Поздравляем вас с Величайшим праздником — Христовым Воскресением!

Сердечно, М. Лобанов

29.03.2007